

СИНДРОМ ЛЕНИНА — БЛОКА

Ровно восемьдесят лет
назад умер Александр
Блок. Не будет большим
преувеличением сказать,
что смерть была самым
загадочным событием его
как будто бы насквозь
известной и притом весьма
темной биографии. Не зря
врачи, производившие
вскрытие, поразились
преждевременной
изношенности организма,
дряхлого, как
у восьмидесятилетнего.

АНДРЕЙ ГАМАЛОВ

Версий предсмертной болезни Блока существует множество — от отравления (Солоухин предположил, что Блок отравился Лариса Рейснер по приказу Зиновьева) до сифилиса. Наиболее же распространенные официальные таковы: ревмокардит (поэт жаловался на боли в суставах и сердечные припадки), грудная жаба, дистрофия, переутомление, астма. Ни в один из приведенных диагнозов клиническая картина двухлетней болезни Блока, однако, не укладывается. Принято ссылаться на диагноз, который сам он поставил в своей прощальной речи о Пушкине: «Пушкина убило отсутствие воздуха». Однако связь тут может быть и обратной: говоря об «отсутствии воздуха», которое убило Пушкина, Блок мог экстраполировать на него собственное состояние, собственные приступы удушья.

Особняком в литературе о Блоке стоит версия о сифилисе, высказанная филологом и психологом Александром Эткинсом (Петербург). В пользу этой версии говорят как будто частые (и подтвержденные) контакты Блока с проститутками, а также то, что в последние годы Блок лечился ртутными препаратами. Но ртутными препаратами лечили отнюдь не только сифилис; к стати, эти же роковые медицинские предписания послужили некоторым современным исследователям поводом для утверждения, будто и Ленину в последние годы был поставлен этот же диагноз. Между тем версия о ленинском сифилисе была в последнее время всесторонне изучена и убедительно опровергнута — причем в процессе исследования всплыли факты, позволяющие предположить, что Ленин и Блок умерли от одной и той же болезни. Только называлась она не сифилисом и вообще вряд ли была когда-либо адекватно описана. Более того, симптомы психического заболевания, которым страдал в Воронеже Осип Мандельштам, поразительно точно совпадают с клинической картиной умирания Блока и Ленина. И болезнь эту следует признать психической, поскольку именно долгая депрессия, затяжной стресс и резкий слом биографии служат ее предвестием.

Параллелей в судьбе Блока и Ленина вообще множество: и Ленин, и Блок выросли фактически без отцов. Илья Николаевич Ульянов в разъездах по школам и училищам губернии

Поэт, как и вождь, был психически болен?

Александр Блок в 1921 году — незадолго до смерти. Этот взгляд...

проводил дома в общей сложности не более трех месяцев в году; в обширной переписке Ленина, где более двухсот раз упоминается мать, об отце нет ни единого слова.

Душевная болезнь Блока была обусловлена сложной наследственностью именно по отцовской линии: его отец, умерший в Варшаве в 1911 году и всю жизнь преподававший право в местном университете, отличался многими странностями — болезненной скупостью, подозрительностью, замкнутостью, припадками раздражительности и злобы, вспышками тоски — и все это на фоне поистине шизофренического педантизма. Педантизмом и замкнутостью отличался и отец Ленина, инспектор училищ Симбирского уезда, умерший, когда будущему вождю было шестнадцать лет. Заметим, кстати, что при всех разительных сходствах семейной жизни Бекетовых (у которых рос и воспитывался Блок) и Ульяновых (у которых рос и воспитывался Ленин) по крайней мере одна общая черта: и Блок, и Ленин с ранних лет были чрезвычайно привязаны к своим матерям и откровенны с ними. И Блок, и Ленин получили юридическое образование, но по специальности не работали ни дня.

Но все эти мелкие и случайные сходства отступают перед главным: и у Ленина, и у Блока, и у Осипа Мандельштама

(страдавшего той же болезнью в тридцатые годы) жизнь тела всецело определялась жизнью духа. Впрочем, в ленинском случае точнее было бы говорить об интеллекте, разуме. Нечеловеческая трудоспособность Ленина, его фантастическая выносливость и неутомимость, способность Блока к многочасовым пешим прогулкам, его невероятная плодовитость (до восьми стихотворений в день, одно стихотворение — почти ежедневно вплоть до 1914 года), немедленный переход любого разочарования или депрессии в физическое недомогание — все эти признаки явно указывают на то, что и Блок, и Ленин были людьми по существу духовными, что их сравнительно ровные и благополучные биографии (Ленин провел в тюрьме всего девять месяцев, не слишком бедствовал в ссылке и эмиграции, никогда не болел до 1922 года) ничего не говорят об их напряженной и мучительной внутренней жизни. И потому болезнь Ленина и Блока, сведшая их в могилу, имеет, несомненно, чисто психические корни. Вызвана же она у обоих была одной и той же причиной: предсмертным разочарованием в деле всей жизни, глубоким и страстным раскаянием. Поразительно, но предсмертные оценки, настроения последних лет Блока и Ленина почти тождественны. Оба они — даром

что один считал себя последовательным материалистом, а другой идеалистом и романтиком немецкого толка — были прежде всего утопистами, верившими в скорый крах пошлого, косного, «страшного мира». Оба с физиологическим отвращением относились к Российской империи, к ее бюрократической государственности — стоит почтить письма Блока и Ленина, дышащие одной и той же ненавистью к царю, городовым, газетчикам... Наконец, их отношение к пошлой, трусливой и слабой русской интеллигенции с одинаковой силой засвидетельствовано и в их частной переписке, и в послеоктябрьских статьях.

После Октября Ленин и Блок очень быстро разобрались в происходящем. Ясно стало, что революция в первую очередь уничтожает тех, ради кого осуществлялась, а свободными себя чувствуют одни уголовники. Ленин и в страшном сне не мог увидеть, что призван он был не для разрушения, а исключительно для реставрации Российской империи — только в упрощенном и рационализированном виде. Ленин еще пытался бороться с бюрократией, заседаниями, имперским шовинизмом — все впустую: он, у которого все так легко получалось до 1918 года, он, чудом взявший бесхозную власть, — оказался жалок и бессилён, едва история использовала его и выбросила, как отработанный материал. Блок, в меру своих сил способствовавший разрушению «страшного мира», оказался в мире куда более страшном: он звал романтическую, огненную гибель — а настало медленное, скучное, голодное умирание в ледяной пустыне Петрограда.

Симптомы психической болезни, вызванной разочарованием и раскаянием, в случаях Блока и Ленина были почти одинаковы: припадки дикой злобы (Ленин швырялся предметами, Блок разбил бюст Аполлона в своем кабинете), апатия, быстрая утомляемость, полная потеря интереса к жизни и работе, мучительные головные боли, одышка, ухудшение зрения. И Блок, и Ленин путались при ответе на простейшие вопросы. Обоим не помогало ни усиленное питание, ни сон. И друзья Блока, и соратники Ленина только полунамеками давали друг другу понять: он сошел с ума! Сумасшедшим считали и Мандельштама, который жаловался в Воронеже ровно на те же припадки отчаяния и страха, на приступы апатии, боли в груди, одышку...

Когда-нибудь, может быть, опишут и эту редкую душевную болезнь, которая посещает только тех, у кого между душевной и физической жизнью нет отчетливой грани. Тех, кто всеми силами приближает торжество великой утопии и сходит с ума, задышавшись и теряя сознание от боли, когда любая утопия в очередной раз оказывается триумфом быдла. И будет только справедливо, если эта болезнь будет названа именами двух своих самых известных жертв — лучшего поэта и лучшего политика XX века.

мои последние книжки

Павел ХЛЕБНИКОВ.
Борис Березовский
— крестный отец
Кремля.

«Детектив-пресс», 2001.

Очень современная книга. Ты нам оппозицию нового образца, а мы тебе всю правду про твои аферы и махинации. Не вышло, к сожалению. Корреспондент «Форбса», посетитель светских вечеринок и поверхностный собеседник российских коллег, потомок русских эмигрантов Павел Хлебников понял о ельцинской России не больше, чем фермер штата Айова, регулярно смотрящий новости. В-первых, из книги следует, что сказать в России надо всех. И друзей Березовского, и его врагов. На их фоне он (так по книжке получается, я не виноват) — единственный, кто всерьез озабочен чем-то, кроме своего кармана. Во-вторых, никаких сенсаций в книге Хлебникова нет. Все его факты сто лет как протухли, а ошибок и неточностей масса. В-третьих, не сделано даже попытки осмыслить роль Березовского — мерзкого циника, фактически спасшего страну в 1996 и 1999 годах от КПРФ и ОВР. В общем, больше всего этот том (за неделю втрое упавший в цене на московских лотках) похож на книжку Т. Ржезача 1978 года «Спираль измены Солженицына». Либо надо было думать раньше, господа новые честные хозяева, либо уж не вякать теперь.

Сергей КАРА-МУРЗА.
Манипуляции
сознанием
в современной
России.

«Алгоритм», 2001.

А вот эту книгу я рекомендую всем, и очень настоятельно. Сегодня чрезвычайно велик спрос на осмысление ельцинской эпохи, разрушившей империю и скомпрометировавшей демократию. Кара-Мурза реконструирует историю современности единственно возможным способом — от противного. Разоблачая особенно наглую ложь, манипуляции, подтасовки. С чутьем и азартом охотника обнаруживая шулерство везде, где аргументом служит биение себя в грудь и благородное поджигание губ. Оказывается, перестроечные штампы нуждаются в разоблачении ничуть не меньше, чем застойное вранье. Никогда еще до этой книжки позорные деваносты не анализировались столь беспристрастно и бесстрашно. Тут же десяток полезных советов — как распознать манипулирование и срезать манипулятора. В общем, на фоне сплошного промывания мозгов — первый известный мне опыт их отмыкания.

Интересно, а читал эту книгу Владимир Кара-Мурза?

Василий АКСЕНОВ.
Кесарево свечение.
«Изограф», 2001.

Наверное, это плохой роман. Скорее всего. У Аксенова не так много хороших романов, и они у него не лучшие. Такой парадокс.

Но вот читая всю эту полифоническую путаницу, с вкраплением драматургических, поэтических и публицистических фрагментов, с жанровым ассорти, с путаницей сюжетных ответвлений, с явной стилистической избыточностью, самоповторами, многословием, механическими соитиями и мало ли чем еще, — я не могу отделаться от ощущения, что Василий Павлович Аксенов в свои семьдесят без малого лет остается самым молодым и изобретательным писателем как в России, так и в Америке. Это надо — столько всего наворотить и так любить жизнь после такой жизни!

Дмитрий Быков.

Блок Александр

22.08.01